

ДИСКУССИИ

УДК 81'008

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-126-140

СТРУКТУРА МИФА ПО К. ЛЕВИ-СТРОССУ: ОПЫТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе
299053, Севастополь, ул. Меньшикова, д. 3, кв. 18
stavis@ Rambler.ru

Статья посвящена критическому анализу работы К. Леви-Стросса «Структура мифов», которая была опубликована более полувека назад и до сих пор является одной из самых популярных среди произведений великого французского антрополога. Во многом это связано с тем, что знание структуры помогает лучше понять миф, его природу и функционирование, а также роль, которую миф играет в обществе. Однако в своем исследовании К. Леви-Стросс допустил принципиальную методологическую ошибку. И она заключается в том, что он рассматривал миф не как универсалию культуры, чем миф в действительности является, а как обычный лингвистический объект. Ведь попытка структурировать миф под себя и свою профессиональную специализацию вынуждает исследователя держаться привычного, выбирая легкое и понятное вместо правильного. А значит, она изначально была обречена на неудачу, так как в ходе такого исследования теряется восприятие мифа как целого.

В результате содержательная сторона сложного и по-разному проявляющегося явления, каким является миф, оказалась проигнорированной. А исследование К. Леви-Стросса стало примером того, что на основе каких-либо частных рассматривать культурную универсалию без ущерба для процесса познания нельзя.

При этом отметим, что в силу своей универсальной пластичности миф в своем развитии потенциально бесконечен и не равен сам себе, поскольку через новые смыслы сам себя трансформирует, принимая структуру того, что мифологизирует. Это означает, что какой-либо универсальной структуры у мифа просто нет. И в этом его тайна. Хотя в зависимости от тех или иных подходов и контекстов исследователи могут предложить большой выбор его структур.

Ключевые слова: миф, структура мифа, К. Леви-Стросс, универсалия культуры

В условиях перехода человечества к эпохе информационного общества роль мифа в обществе резко возрастает. Ведь он обеспечивает социум символически означенными ценностными смыслами, в соответствии с которыми человек будет жить [Кэмпбелл 2002]. А с учетом бурного развития информационных технологий миф стал оружием массового поражения, с помощью которого конструируют идентичность и контролируют сознание людей [Ставицкий 2013]. Последнее обстоятельство требует иного отношения к мифу, более глубокого его изучения. И знание структуры мифа и особенностей его функционирования может существенно этому помочь [Ставицкий 2012].

Их важность и значимость связана с тем, что через структуру мифа определяются его природа, смысл и назначение, а также характер функционирования, что в свою очередь, благодаря подключению соответствующих контекстов, позволяет лучше понять не только современный миф, но и его роль в жизни людей и общества в целом [Ставицкий 2015]. По мнению К. Леви-Стросса, «структура не имеет обособленного содержания: она сама является содержанием, заключенным в логическую форму, понимаемую как свойство реальности» [Леви-Стросс 1985: 9]. Поэтому в структурности заложена суть мифа, ради которой он существует [Козлов 1984].

Рассмотрению структуры мифа посвящено немало работ, хотя они, как правило, носят не системный характер. Из авторов, занимавшихся данной проблематикой, в первую очередь стоит отметить Т.М. Алпееву, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Г.Н. Оботурову, Б.Л. Огибенина, В.М. Пивоева, В.С. Полосина, В.Я. Проппа, Е.Н. Ростошинского, О.К. Садовникова и др. Однако особое место среди них, безусловно, занимает великий французский антрополог К. Леви-Стросс. Его вклад в изучение структуры мифа настолько важен и значим, что после публикации результатов его исследований по структуре мифов данный вопрос в какой-то степени считается закрытым. И именно в этом заключается основная сложность данной работы. Ведь ставить вопрос о пересмотре общепринятых выводов и идей всегда трудно, так как обосновывать новое следует, преодолевая психологические установки на поддержку заслуженного и привычного. Но по мере нарастания вопросов необходимость в новых исследованиях становилась всё более очевидной [Ставицкий 2011: 248-251].

В основе сложившейся проблемы лежал парадокс мифологической структуры, который заключался в том, что, с одной стороны, как символически означенный образ реальности миф должен быть структурированным. Ведь даже самые элементарные явления знаковой системы обретают структуру, если их наделять смыслом, а миф – это смыслонесущая и в образно-символической форме отраженная сознанием реальность, а мифотворчество есть процесс смыслообразования. Но с другой стороны – при такой универсальной пластичности и многообразии проявления некая единственная и законченная структура мифу не нужна. Последнее обстоятельство требовало основательной проверки, результатом которой и стало данное исследование, поставившее прежние установки под сомнение.

Миф и структурная лингвистика: пределы специализации

Попытки структурировать миф предпринимались давно. Одним из первых простейшую структуру мифа предложил выдающийся русский словесник А.А. Потебня в своей работе «Теоретическая поэтика», где миф был им разделен на «простейшую мифическую формулу», т.н. «мифическое представление» и «дальнейшее ее развитие», которое выражалось в «мифическом сказании» [Потебня 1990: 301]. Однако специально данной проблемой он не занимался. И, видимо, до возникновения структурной лингвистики этот важный аспект мифа особого внимания исследователей не привлекал. Хотя кое-какие наработки сложились. Поэтому одной из наиболее известных науке разработок структуры мифа является модель, предложенная основателем структурной антропологии К. Леви-Строссом

[2001: 213-241]. И поскольку среди исследователей мифа она до сих пор является самой популярной, нам следует ее рассмотреть подробнее с точки зрения общих подходов и примененной методологии.

В связи с этим, отметим, что сама по себе попытка К. Леви-Стросса структурировать миф является интересной, смелой и, безусловно, заслуживающей внимания. Но в основе ее лежит ряд изначально заложенных ограничений, резко сужающих возможности для анализа мифа с какой-то иной стороны. В результате в рамках данной структуры миф перестал быть универсалией культуры, то есть сложной иерархически организованной системой, представляющей базовый элемент культуры как таковой, где каждый отдельно взятый миф влит в общую систему мифологии.

Впрочем, не разделяя взглядов великого французского антрополога по данному вопросу, мы отдаем должное той грандиозной работе, которая была проделана им, чтобы попытаться предложить свой вариант структуры мифа. Тем более, что структура мифа по версии К. Леви-Стросса может рассматриваться как модель, на выявлении слабых мест которой можно лучше понять те проблемы, которые, на наш взгляд, еще не решены. И потому, не подвергая в целом сомнению результаты проделанной им работы, поделимся теми соображениями, которые, на наш взгляд, несколько проясняют поднятый в исследовании вопрос.

В первую очередь отметим, что, формируя подходы к разработке мифологической структуры, К. Леви-Стросс опирался на достижения структурной лингвистики. Особенно на работы Р.О. Якобсона. И в этом, возможно, проявляются сильные и слабые стороны структурной модели мифа К. Леви-Стросса. Понятно, почему попытки структурировать миф были начаты при опоре на достижения лингвистики. Ведь язык выступает мощным источником структурности. И не использовать это его качество было в начале изучения структуры мифа нельзя. А, согласно рассуждениям К. Леви-Стросса, если миф есть «явление языкового порядка» или «лингвистический объект» [Леви-Стросс 2001: 218], то и структура его должна быть соответствующей. При этом, настаивая на лингвистических основаниях, К. Леви-Стросс оговаривает, что проявляемые мифом как языковой структурой (лингвистическим объектом) «специфические свойства» располагаются на более высоком уровне, чем обычный уровень языковых выражений. Иначе говоря, эти свойства мифа имеют более сложную природу, чем «свойства языковых высказываний любого другого типа» [Там же: 218]. Отсюда следует, что либо миф может рассматриваться как языковой феномен, но его свойства этим не ограничиваются, либо сам К. Леви-Стросс при анализе мифа понимал, насколько его аргументация условна, ограничена и отчасти вымучена.

О том, что данное предположение является близким к истине, свидетельствует оговорка самого К. Леви-Стросса, что его позицию следует рассматривать исключительно «в качестве рабочей гипотезы». И мы эту оговорку принимаем. Однако и рабочие гипотезы нуждаются в дальнейшем развитии. Поэтому, если структура мифа имеет языковой характер, то, «1) как и всякий лингвистический объект, миф образован составляющими единицами; 2) эти составляющие единицы предполагают и наличие таких единиц, которые обычно входят в языковые структуры, а именно фонемы, морфемы и семантемы, но по отношению к этим

последним они являются тем, чем сами семантемы являются по отношению к морфемам, а морфемы – по отношению к фонемам. Каждая последующая форма стоит на более высокой ступени сложности, чем предыдущая» [Леви-Стросс 2001: 218-219].

Впрочем, в данном случае великий французский антрополог явно увлекся «окунанием» мифа в лингвистику. И если, как он сам потом оговаривал, миф нельзя свести к словесному высказыванию, хотя простоты ради очень хочется, то тем более он не сводим к семантемам, морфемам и фонемам, как не сводима к буквальному смыслу поэзия. Более того, буквальный смысл ей просто противоположен. Как разбор фразы на подлежащее, сказуемое и прочие второстепенные члены предложения может быть структурированным, но ничего общего не имеет с его содержательной стороной. А ведь миф занимается не фонемами и морфемами, а смыслами, так как процесс мифотворчества по сути идентичен процессу символически означенного смыслообразования.

Следовательно, хотя, с точки зрения лингвистики, никто не сомневается в том, что миф есть «лингвистический объект», но с позиции семиологии он будет сложной семиотической структурой. А психология не будет сводить миф как объект исследования психологии ни к тому, ни к другому. Иначе говоря, каждая наука, изучая миф со своих позиций, вносит что-то свое в общее исследование, но применительно к данному случаю, отбирает у мифа для удобства собственного изучения те качества, которые мифу присущи имманентно [Ставицкий 2011: 26-33]. И структуру мифа будет выстраивать под себя. Поэтому, чтобы понять, в чем проблема, в качестве альтернативного примера достаточно разобрать следующий вариант: как лингвисту удобнее всего изучать далекую от его специализации сферу, скажем, политики? Конечно, проще всего свести ее к слову, то есть изучать политику как лингвистический объект. А что будет, если такие сложные смысловые понятия, как «бог», «родина», «культура», «религия», «человек», свести к уровню «лингвистического объекта»? Что тогда от них, кроме пустых слов, останется? Что остается делать тогда лингвисту, если он при изучении сложного социокультурного явления решил за пределы своего дисциплинарного знания не выходить? Прятать за словами свое незнание? В таком случае поневоле вспоминается притча про ошупывающих слона слепых. Но ведь нельзя сказать, что они, каждый на своем уровне, в проблеме не разобрались. И если бы им не сказали, что они ошупывали, скорее всего, они так и были бы убеждены, что решили задачу правильно. Так же получилось и с лингвистами, когда они взялись изучать миф. Только диагноз результатов их исследования оказался настолько круто запущен, что наука пока не в силах его остановить.

Какие же предварительные выводы в свете вышеизложенного напрашиваются? С точки зрения изучения и структурирования частностей при полном игнорировании мифа как структурно явленного перед нами целого К. Леви-Стросс добился потрясающих успехов. Но с точки зрения мифа как целого на данном примере он скорее показал, как не надо его изучать. И не только потому, что им был нарушен один из фундаментальных принципов исследования: сначала идти от общего к частному, и лишь потом можно наоборот. Просто, как говорил еще Гёте, если первая пуговица камзола застегнута неправильно, правильное застегивание

остальных уже не поможет. Значит, попытку К. Леви-Стросса вывести структурную единицу мифа на уровне фразы, поскольку миф есть «лингвистический объект», можно рассматривать как гениальную небрежность. Тем более, что исследования В.Я. Проппа [2001], а несколько позже Е.М. Мелетинского [1978], показали, что при исследовании мифа или сказки исходные единицы могут быть больше фразы. Однако, несмотря на это замечание, популярность предложенной французским антропологом гипотезы до сих пор не снижается.

Критика лингвистических подходов к изучению мифа как универсалии культуры

Чтобы сильные и слабые стороны «рабочей гипотезы» К. Леви-Стросса по выявлению структуры мифа были яснее, рассмотрим его подходы с разных сторон. Так, соотношение синхронических и диахронических аспектов мифологических систем закладывает в них своеобразную двойственность, которая в условиях структурной динамики становится основой и залогом ее жизнеспособности. Понятно, что перевод мифов при их анализе в условно статическое состояние делается из соображений удобства понимания. Но сами мифы таковыми не являются, как не может быть глобус Землей. По такому же пути, только используя другие инструментариумы, пошел и К. Леви-Стросс, упрощая синхронно-диахроническую структуру мифа через сведение его как языкового явления к высказыванию. Раскрывая свой метод, К. Леви-Стросс подчеркивал, что «характерная для мифа синхронно-диахронная структура позволяет упорядочить структурные элементы мифа в диахронические последовательности (ряды в наших таблицах), которые должны читаться синхронно (по колонкам). Таким образом, всякий миф обладает слоистой структурой, которая на поверхности, если так можно выразиться, выявляется в самом приеме повторения и благодаря ему» [Леви-Стросс 2001: 241]. В результате долгого исследования К. Леви-Стросс свел миф к «высказыванию», которое нужно «рассказать» и «понять» [Там же: 222]. И у нас к данному подходу особых возражений не было бы, если бы такой вариант не вынуждал делать в ходе анализа слишком много предположений и допущений, чтобы считать его вполне убедительным и окончательно доказанным. Поэтому, хотя логика К. Леви-Стросса относительно предложенных им примеров представляется весьма внушительной, подходы и контексты его подводят.

Попробуем конкретизировать свои сомнения. Так, предложенная К. Леви-Строссом, гипотеза вызывает немало вопросов и нуждается в ряде допущений, оговорок и условностей. Особенно интересно, какая фраза взята за основу, если учесть, что каждый автор может излагать тот или иной миф по-разному? При этом данные фразы разным «слушателям» могут нести разные смыслы. Как быть также и с этим? Как структурировать смысл, если он может играть оттенками, плодя новые интерпретации? Как быть, если другие исследователи установили, что исходные «структурные единицы» могут быть значительно больше фразы? Не является ли данный вариант неудачным использованием метода «проб и ошибок», на который вслед за К. Поппером [1995] ссылается К. Леви-Стросс [Леви-Стросс 2001: 219]? Насколько данный вариант приближает к пониманию структуры мифа современного? Так ли уж безупречен его метод, когда «последовательность событий» передается «с помощью возможно более коротких фраз»? Неужели их протяженность является тем критерием, на котором должна выстраиваться

универсальная структура, независимо от того, будут ли эти «структурные единицы» выражаться как «отношение» [Там же] или даже как «пучки отношений» [Там же: 220]? Если одна фраза или даже слово способны породить свою собственную вселенную-мифологию, то как тогда структурировать их? К сожалению, на эти вопросы К. Леви-Стросс ответов не дает. Тем более, что анализ мифа должен быть структурно-смысловым, а не структурно-высказывательным [Купина 2001].

Кроме того, следует учесть также и такую понятную семиологам проблему, что «все известные нам тексты мифов доходят до нас как трансформации». Говоря об этом, выдающийся семиолог Ю.М. Лотман резонно указывает, что «живой миф иконически-пространствен и знаково реализуется в действиях и панхронном бытии рисунков» [Лотман 2004: 571]. Значит, в нем нет линейной заданности порядка, а перевод мифологического сознания на словесно-линейный язык, когда его сводят к высказыванию, не может быть осуществлен без существенных структурных и смысловых потерь.

Через переведенные тексты разом проявляемое мифологическое бытие обретает не свойственную ему последовательность, так как «представление о поколениях и этапах, все эти “сначала” и “потом”, которые организуют известные нам записи и пересказы <...> принадлежат не самому мифу, а его переводу на немифологический язык» [Лотман 2004: 571].

Исходя из вышеизложенного, спрашивается, какие мифы-высказывания предлагается в данном случае структурировать? Насколько точно они отражают сам миф как единое целое? В какой степени учитывают его первоначальную организацию? И получается, что однозначного ответа на эти фундаментальные вопросы у К. Леви-Стросса просто нет. Рассматривая структуру мифа, он подобные вопросы даже не ставит. А значит, нет в данной организации и тех элементов структуры, которые при анализе мифа как сложной саморазвивающейся системы должны оставаться неизменными.

Кстати, на фоне приведенной аргументации применение к мифу термина «слоистая структура» можно считать вполне допустимым, но дает ли оно основание считать, что у мифа есть «поверхность»? В какой степени предложенный К. Леви-Строссом вариант структуры мифа точен и ясен, если по его же замечанию, «слои мифа никогда не бывают идентичны»? Причем, добавим, даже не бывают идентичными самим себе. Тем более, что, как пишет К. Леви-Стросс далее, «если справедливо предположение, что цель мифа – дать логическую модель для разрешения некоего противоречия (что невозможно, если противоречие реально), то мы будем иметь теоретически бесконечное число слоев, причем каждый будет несколько отличаться от предыдущего» [Леви-Стросс 2001: 241].

Получается, что в своем развитии миф потенциально бесконечен и не равен сам себе, поскольку через новые смыслы сам себя трансформирует. И мы с этим полностью согласны. Но где тогда в этом случае будет взятое за основу структуры исходное высказывание, предложенное в качестве «большой структурной единицы» и требующее от мифа быть постоянным по форме и содержанию? А ведь даже детальнейшая структура частности не только не может заменить структуры целого, но даже приблизить к ней. Уж не говоря о том, что эта частности непереводаима адекватно на логический язык и по своей природе не статична.

Спрашивается: почему К. Леви-Стросс решил тогда свести миф к высказыванию? Ведь что такое высказывание? Это фраза, предложение. Некая крайне малая единица общего смыслового пространства, отличающаяся высокой смысловой неустойчивостью. Этакая смысловая «клетка». Однако, нельзя по строению клетки, как бы она ни была важна для человеческой жизнедеятельности, судить о сущности человека. И сводить миф к высказыванию всё равно, что сводить пустыню к песку, а воду – к ее химическому составу, ведь содержательная сторона сложного и по-разному проявляющегося явления тогда полностью игнорируется. Значит, подобный подход, как минимум, уже в силу этого нуждается в существенной коррекции.

Структура мифа по К. Леви-Строссу как смысловой и методологический тупик

Системный критический анализ структуры мифа по гипотезе К. Леви-Стросса требует оговорить ряд вопросов, которые не были им учтены. Напомним, что как универсалия культуры миф не просто описание или высказывание, а метаописание, т.е. «некоторый абстрактный язык описания» или «некоторый абстрактный продукт, который не имеет значения вне этого языка описания [Леви-Стросс 2001: 525]. Миф – метавысказывание, даже если для этого использовано лишь одно слово, ибо оно в сочетании с другими пульсирует смыслами, выстраивая их в бесконечный структурно устроенный и постоянно меняющийся ряд. В более сложной интерпретации он может быть представлен как «единый многослойный текст с многообразными внутренними переплетениями взаимно не переводимых кодов» [Там же: 585], активное взаимодействие которых обеспечивает в ходе его функционирования лавинообразное самовозрастание смыслов, отследить и отрефлексировать которые, тем более каждое в отдельности, не представляется возможным.

К сожалению, понимание сложности и непереводаемости мифа, в силу его универсальной пластичности, вынудившее К. Леви-Стросса сравнить миф с музыкой, не помешала ему угодить в ловушку, поставившую великого антрополога в положение пушкинского Сальери, пытавшегося музыку разьять «как труп», поверив «алгеброй гармонию». В данном случае имеется в виду предложенная в «Структуре мифов» формула: $F_x(a) : F_y(b) = F_x(b) : F_a^{-1}(y)$ [Там же: 239], о которой профессор А.Д. Шоркин написал, что, благодаря этой «несложной формуле», К. Леви-Стросс «решил, сопоставляя варианты мифов, по сути, задачу классификации медиаторов, уяснив на огромном фактическом материале стандартную механику их порождения» [Шоркин 1996: 36].

В подтверждение тому звучит фраза из следующей после «Структуры мифов» главы «Структурной антропологии»: «Таким образом, мы видим, чего можно достигнуть только путем структурного анализа содержания мифа: вскрытия правил преобразования, позволяющих переходить от одного варианта к другому, произведя операции, подобные алгебраическим действиям» [Леви-Стросс 2001: 245]. Результат также получился аналогичный, хотя сама формула выглядит достаточно убедительной. В этом смысле весьма примечательна оговорка К. Леви-Стросса о том, что попытки обрабатывать мифы подобным образом требуют усилий больших коллективов и хорошего финансирования [Там же: 240]. Хотя

применительно к итоговым результатам данной грандиозной по объему и крайне трудоемкой по характеру работы поневоле напрашиваются аналогии с такими мифическими выражениями, как «сизифов труд» или «гора родила мышь». Впрочем, этот в значительной степени отрицательный результат – тоже результат, поскольку может быть точкой отсчета для новых исследований. Тем более, что преодоление структурной неопределенности мифа необходимо. И никто не обещал, что на этом пути всё будет гладко и поступательно. В связи с этим, уместно вспомнить пророческие строки К. Леви-Стросса о том, что «наивные измышления в той области, которая для нас остается целиной, грозят вместе с нашими собственными недостатками окончательно погубить будущее наших начинаний» [Там же: 213]. Пророческие уже хотя бы потому, что по иронии судьбы наиболее цитируемыми в трудах великого французского антрополога оказались именно те тексты, которые касаются проанализированной нами структуры мифа. Однако, в отличие от К. Леви-Стросса, мы не будем столь пессимистичными, так как подобные «наивные» рассуждения из современной мифологии постепенно вымываются. Но у специалиста по мифологии, который рассматривает ее как универсалию культуры, они не могут вызвать ничего иного, кроме досады.

Тем более, если учесть, что ошибки, особенно, если они сделаны профессионально, грамотно и опираются на огромный пласт документальных материалов, запутывают вопрос до неузнаваемости. И чем лучше будет проведена подобная работа, тем труднее и дольше будет идти ее исправление. Ведь, если исследование структуры мифа у К. Леви-Стросса пошло вширь и по кругу в рамках понятного и привычного, это в свою очередь привело не к качественному прорыву на основе достигнутого, а к фундаментальной количественной проработке того, что было сделано ранее.

Каков же тогда общий итог? Великий исследователь погряз в детализации деталей. За бесконечными и постоянно меняющимися частностями исчезло целое. Мифа как универсального социокультурного явления не стало. Поэтому данный способ оказался бесперспективным. Что, однако, для великого французского антрополога простительно, если учесть, как много он сделал для реабилитации мифа в современной культуре. А сколько было за последние пару веков исследователей, положивших массу усилий, дабы уничтожить миф или хотя бы скомпрометировать его? И кто вспомнит о них? Поэтому следует считать, что опыт исследований К. Леви-Стросса, каким бы результатом он ни венчался в каждом конкретном случае, является важной вехой и своеобразной точкой отсчета для новых исследований.

Поэтому мы вынуждены констатировать, что, хотя в трудах К. Леви-Стросса миф предстает как результат «величайшей степени организованности на первый взгляд произвольных продуктов человеческого духа» [Леви-Стросс 2007: 752], определить характер и структуру его организации К. Леви-Строссу фактически не удалось. И вряд ли удастся его последователям. В самом деле, как быть со структурой мифа, построенной на «фразе», как исходной «единице» мифа-высказывания, когда одна буква алфавита может вмещать в себя символику космогонии, коды таинств смерти и возрождения, скрытые сакральные смыслы вещей [Генон 2002]? Понятно, что данная мифическая структура в силу своей искусственности без множества оговорок, допущений и условностей просто не работоспособна. Но что в результате

их остается в этой структуре от самого мифа? В какую клетку его пытаются этим загнать? В какую ловушку поймать? Каким инструментом вычерпать? Ясно, что, подобно воде в решете, миф для данной структуры неуловим. Неуловим как целое. Но в качестве своеобразного утешительного приза миф способен подарить сторонникам предложенного К. Леви-Строссом варианта структурирования свою оригинальную мифологию, с помощью которой они будут еще многие годы оправдываться в духе тех, кто ищет серую кошку в темной комнате, не зная, что ее там нет, всячески скрывая ее исходную бесплодность и тупиковость. Ведь, положив в основу структуры мифа высказывание, К. Леви-Стросс выстроил ее таким образом, что все остальные элементы мифа стали рассматриваться как внесистемные, исключив полноту значений, без которых миф просто не существует, проявляясь разом во всем на всех возможных для него уровнях [Ставицкий 2012].

Каков же общий итог? Он заключается в том, что в одном из любимых мультфильмов моих детей под названием «Кунг-фу панда» прозвучало из гусиного клюва приемного отца панды по имени По: «Секретного ингредиента не существует». В мультфильме речь сначала шла о лапшичном супе. Потом она оказалась применима к свитку воина дракона. У нас же речь идет о мифе. Но подход к пониманию явлений аналогичный. Ведь универсальное и неисчерпаемое в своем многообразии явление не может быть сведено к какой-то частности, какой бы значимой эта частность для мифа ни была.

Исходя из этого, предложенную К. Леви-Строссом структуру мифа можно отнести к великим заблуждениям XX века, которое увлекает и очаровывает исследователей уже более пятидесяти лет, но в познании мифа не продвигает, несмотря на титанический труд великого французского антрополога и его многочисленных поклонников и последователей. Впрочем, его вклада в изучение мифа данный аспект несколько не умаляет [Мулуд 1973]. Тем более, что иные ошибки в дальнейшем процессе познания играют роль опоры для того, чтобы двигаться дальше [Меркулов 1984]. Поэтому нам не стоит бросать на чаши весов авторитет ученого и необходимость в дальнейшем познании, а мифологию следует воспринимать как чрезвычайно сложно организованный механизм мифологического освоения реальности, способный и постоянно осуществляющий функцию хранения зашифрованных в образно-символической форме знаний.

Ясно, что многообразие определений системы порождает разнообразие форм организации структуры, которая в самом широком смысле представляется как обобщенная характеристика специфических системных свойств, фиксирующая в абстрактной форме элементы, отношения, связи системы между частями целого, их упорядоченность и внутреннюю организацию. Поэтому, в зависимости от приоритетов и специализации той или иной исследующей миф «школы», его структура может быть разной. К тому же следует учесть, что в мифологии «работает» не один культурный (временной или «пространственный») срез, который в данный исторический период востребован и пребывает на поверхности, а вся мифическая структура во всем своем разнообразии, функционирующая в разных режимах и на разных уровнях как единое целое.

Но эти особенности не отвечают на вопрос, что дает знание структуры мифа в процессе познания? На наш взгляд, знание структуры мифа является знанием

онтологического порядка через выстроенное на внутренних связях частностей строение объекта, так как структура позволяет выявить те основы объекта, которые играют роль матрицы и обеспечивают ее той стабильностью, без которой она не только теряет свою идентичность, но и не может просто существовать. Значит, знание мифологической структуры и умение ее выявлять из живой мифологической субстанции через преодоление структурной неопределенности мифа, безусловно, помогает лучше разобраться в мифе, чтобы лучше его понимать и использовать.

Вместе с тем, попытки структурировать мифы можно воспринимать, как стремление внести в стихийные процессы мифотворчества элементы рациональности. Так, логическая реконструкция мифа путем формализации и упорядочения смысловых отношений, либо алгоритмизации языка мифа позволяет вводить нормирующие элементы системы инверсионных структур мифа, выделив в ней те элементы изучаемой системы, которые считаются ключевыми.

Однако с какими проблемами технологического порядка сталкивается исследователь? Первая из них заключается в самой задаче структурировать то, что настолько универсально, многообразно и изменчиво, что даже не поддается какому-то однозначному определению. Но, несмотря на это, миф легко скрепляет воедино разные формы и коды. Причем каждый раз делая это по-разному. Поэтому исследователь мифа должен быть готов иметь дело с образом каждой отдельной мифосистемы, все элементы которой находятся не в статическом, а в динамическом соотношении, постоянно меняя принципы и условия отношения друг к другу.

Для этого, с одной стороны, нужно исходить из необходимости отталкиваться от интуитивно понятых данных, а с другой – рассматривать процесс в статике. При этом статическая консервация динамичных систем не должна заслонять понимание того, что статика – вспомогательный научный прием, а не специфический способ существования объекта. Поэтому структура мифа не будет понятна вне факта социокультурного разнообразия мира и психофизических различий между людьми, а перевод мифов при их анализе в условно статическое состояние делается из соображений удобства понимания. Но сами мифы таковыми не являются, как не может быть глобус Землей.

Чтобы вырабатывать информацию и генерировать новые тексты (смыслы), миф должен быть единым и двойственным. В этом залог его постоянного развития, вынуждающего миф становиться генератором структурности, создавая вокруг человека такую сферу, которая, сохраняя исходную цельность, придает его жизни осмысленность в каждом осознанном действии. Благодаря этому, структуры встроены в мифологическое пространство, реализуясь в нем как некие сгустки смысла, и могут быть отделимы от него лишь как абстракция, в качестве своеобразного методологического допущения, в реальных условиях функционирования мифа невозможного.

Впрочем, структура не может и не должна отражать жизнь явления во всей его сложности. Ведь, при описании структур с помощью синхронного метода, проблема внутренней «неупорядоченности» системы, по сути, снимается. К тому же задача структурного описания связана с поиском и выделением тех элементов системы, без которых она в синхронном состоянии не могла бы существовать, и отделением их от тех элементов и связей, которые с позиции статики представляются излишними.

Однако структура лишь задает исходную матрицу исследования, создаваемую для удобства понимания, иницилируя процесс умножения значимостей, которые растут за счет неучтенной внесистемности. Поэтому всё, что рассматривалось ранее в структуре как излишнее, необязательное, внесистемное, может в случае преобразования мифологической структуры стать системным и основным. Значит, эти «внесистемные» элементы являются для нас внесистемными лишь потому, что мы их уровня и характера системности не учли, а система живет за счет того, что втягивает в орбиту системности внесистемные элементы и выталкивает вне системы то, что параметрам системы в данный момент не отвечает. И хотя, в силу того, что внесистемность не соответствует параметрам системного, и она от системного анализа ускользает, ее потенция должна браться при структурировании мифа в расчет.

Таким образом, структура мифа К. Леви-Стросса может рассматриваться как модель, на выявлении слабых мест которой можно лучше понять те проблемы, которые, на наш взгляд, еще не решены. Но рассматривать ее как прорыв в нынешних условиях, несмотря на огромные научные заслуги ее автора, уже является нецелесообразным. А поскольку структура мифа, предложенная К. Леви-Строссом, для мифа как универсалии культуры не подходит, уместно учесть, что процесс исследования мифологических структур должен определяться логикой мифа [Ставицкий 2012], а не соображениями удобства понимания применительно к тому, что уже было известно и наработано. Значит, единой универсальной структуры мифа не существуют, так как она будет разной в зависимости от системы отсчета и того явления, которое в данный момент изучается как объект мифологизации. Поэтому те, кто намерен посвятить себя изучению темы структуры мифа, должны ориентироваться на поиск структурного многообразия, которое не только исходит из достаточно большого количества исходных элементов, но и их структурной иерархии.

Литература

- Генон Р. Тайны буквы «нун» // Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. С. 174-179.
- Козлов Д.Ф. Структура и функции социологической теории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 176 с.
- Купина Н.А. Структурно-смысловой анализ художественного произведения. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1981. 92 с.
- Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить: Пер. с англ. Семенов К. Киев: София; М.: Гелиос, 2002. 252 с.
- Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Т.4. Человек голый. М., 2007. 784 с.
- Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 9-34.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.

- Мелетинский Е.М. «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной структуры. М.: Наука, 1978. 324 с.
- Мулуд Н. Современный структурализм. Размышления о методе и философии точных наук: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1973. 376 с.
- Меркулов И.П. Метод гипотез в истории научного познания. М.: Наука, 1984. 188 с.
- Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.
- Поппер К.Р. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118-138.
- Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
- Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест. 2015. 748 с.
- Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
- Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
- Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.
- Ставицкий, А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 160 с.
- Ставицкий А.В. Актуальність дослідження міфу: соціокультурний аспект // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич. К.: ВІР УАН, 2011. Випуск № 54. С. 248-251.
- Ставицкий А.В. Міф і дослідник: проблема суб'єктивної рефлексії // Політологічний вісник. Зб-к наук. праць. К.: ІНТАС, 2011. Вип. 56. С. 26-33.
- Шоркин А.Д. Схемы универсумов в истории культуры. Опыт структурной культурологии. Симферополь. 1996. 216 с.

**THE STRUCTURE OF MYTH BY C. LEVI-STRAUSS:
INVALID EXPERIENCE**

Andrey V. Stavitsky,

Associate Professor of the Department of History and International Relations
Lomonosov Moscow State University in Sevastopol,
299053, Sevastopol, str. Menshikova, 3, ap. 18.

The article is devoted to a critical analysis of C. Levi-Strauss's "The Structure of Myths" published more than half a century ago. Even today it remains one of the most popular among the works of the great French anthropologist. This is largely due to the fact that knowledge of the structure helps to better understand the myth, its nature and functioning, and specify the role that myth plays in society. However, in his study, C. Levi-Strauss made a fundamental methodological mistake, as he viewed the myth not as a universal culture, i.e. a myth in reality, but as a linguistic object. After all, an attempt to structure a myth may turn it into an investigation for oneself and for one's professional

specialization interests, so a researcher tends to stick to the habitual, choosing the easy and understandable instead of the correct one. So, it was initially doomed to failure, because in the course of such a study, the perception of myth as a whole is lost.

As a result, the content side of a complex and differently manifested phenomenon, such as myth, has been ignored. C. Levi-Strauss' work illustrates the thesis that it is impossible to consider a culture universal without damaging the process of cognition.

However, it is notable, that due to its universal plasticity, the myth in its development is potentially infinite and not equal to itself, as it transforms itself through new meanings, taking the structure of what is mythologized. So, there simply exists no universal structure for myth. And this is the secret. Although, relying on various approaches and contexts, researchers can offer a large selection of its structures.

Keywords: myth, structure of myth, C. Levi-Strauss, culture universal

References

Genon, R. (2002) Tajny bukvy «nun» [Mystery of Letter *Nun*] Simvoly svjashhennoj nauki [Symbols of Sacred Science]: 174-179. Moscow: Belovod'e. Print. (In Russian).

Kozlov, D.F. (1984) Struktura i funkcii sociologicheskoj teorii [Structure and Functions of Sociological Theory]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 176 P. Print. (In Russian).

Kupina, N.A. (1981) Strukturno-smyslovoj analiz hudozhestvennogo proizvedenija [Structural and Semantic Analysis of Literary Work]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta. 92 P. Print. (In Russian)

Campbell, J (2002) Mify, v kotoryh nam zhit' [Myths to Live by]: A Trans. by K. Semenov. Kiev: Sofija; Moscow: Gelios. 252 P.

Levi-Strauss, C. (2007) Mifologiki. [Mythologiques] In 4 vol., Vol. 4. Chelovek golyj [Naked Man]. Moscow. 784 P. Print. (In Russian).

Levi-Strauss, C. (1985) Struktura i forma. Razmyshlenija nad odnoj rabotoj Vladimira Proppa [Structure and Form. Reflections on a Work by Vladimir Propp] 9-34. Zarubezhnye issledovanija po semiotike fol'klora [Foreign Research on folklore Semiotics]. Moscow. Print. (In Russian).

Levi-Strauss, C. (2001) Strukturnaja antropologija [Structural Anthropology] A Tran. by Vjach. Vs. Ivanov. Moscow: JeKSMO-Press. 512 P. Print. (In Russian).

Lotman, Ju.M. (2004) Semiosfera [Semiosphere] Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 704 P. Print. (In Russian).

Meletinskij, E.M. (1978) «Istoricheskaja pojetika» A.N. Veselovskogo i problema proishozhdenija povestvovatel'noj struktury [Historical Poetics by A.N. Veselovsky and Origins of Narrative Structure]. Moscow: Nauka. 324 P. Print. (In Russian).

Mulud, N. (1973) Sovremennij strukturalizm. Razmyshlenija o metode i filosofii tochnyh nauk [Modern Structuralism. Speculations on Method and Philosophy of Science]: A Trans. form French. Moscow: Progress. 376 P. Print. (In Russian).

Merkulov, I.P. (1984) Metod gipotez v istorii nauchnogo poznanija [Method of Hypotheses and History of Scientific Cognition]. Moscow: Nauka. 188 P. Print. (In Russian).

- Potebnja, A.A. (1990) Teoreticheskaja pojetika [Theoretical Poetics]. Comm. by A.B. Muratova. Moscow: Vyssh. shk. 344 P. Print. (In Russian).
- Popper, K.R. (1995) Chto takoe dialektika? [What is Dialectics?]. Voprosy filosofii [Fundamentals of Philosophy]1: 118-138. Print. (In Russian).
- Propp, V.Ja. (2001) Morfologija volshebnoj skazki [Morphology of the Folktale]. Moscow: Labirint. 192 P. Print. (In Russian).
- Stavickij, A.V. (2015) Nacional'no-istoricheskij mif Ukrainy [National Historical Myth of Ukraine]. Sevastopol': Ribest. 748 P. Print. (In Russian).
- Stavickij, A.V. (2012) Ontologija sovremennogo mifa [Modern Myth Ontology]. Sevastopol': Ribjest. 543 P. Print. (In Russian).
- Stavickij, A.V. (2012) Sovremennyj mif i ego osnovnye funkcii [Modern Myth and Its Basic Functions]. Sevastopol': Ribjest. 238 P. Print. (In Russian).
- Stavickij A.V. (2012) Sovremennaja mifologika: opyt postizhenija Inogo [Modern Mythology: A Study of A Different Matter]. Sevastopol': Ribjest, 192 P. Print. (In Russian).
- Stavickij, A.V. (2013) Ukrainskaja identichnost': obshhie podhody konstruirovaniya i mifologizacii [Ukrainian Identity: General Approaches to Construction and Mythologization]. Sevastopol': Ribjest. 160 P. Print. (In Russian).
- Stavic'kij, A.V. (2011) Aktual'nist' doslidzhennja mifu: sociokul'turnij aspekt // Gileja: naukovij visnik. Zbirnik naukovih prac' 54: 248-251. / Gol. red. V.M. Vashkevich. K.: VIR UAN. Print. (In Ukrainian).
- Stavic'kij, A.V. (2011) Mif i doslidnik: problema sub'ektivnoï refleksii // Politologichnij visnik 56: 26-33. Zb-k nauk. prac'. K.: INTAS. Print. (In Russian).
- Shorkin, A.D. (1996) Shemy universumov v istorii kul'tury. Opyt strukturnoj kul'turologii [Schemes of Universums in The History of Culture. A Study in Structural Cultural Anthropology]: Simferopol'. 216 P. Print. (In Russian).